

Р. Додсли «Учитель, или Всеобщая система воспитания, в которой предложены первые основания наук, особенно нужных молодым людям» (М., 1789. Ч. 1—3). Петров был блестяще образован, умен; у него был тонкий, безукоризненный вкус. Не зря Карамзин считал его своим литературным учителем.

Наконец, право воспитывать друга Петрову давал и господствовавший в московском окружении взгляд на приехавшего из Симбирска юношу как ученика. «Карамзин до заграничного путешествия во всех сферах жизни занимал позицию ученика, — пишет Ю. М. Лотман. — Настасья Ивановна (Плещеева. — Р. Л.) учила его искусству нежной дружбы (<...> В кругу Н. И. Новикова и А. М. Кутузова (<...> его учили науке самопознания, готовили к принятию мудрости и ко вступлению на путь добродетели и общественного служения. Даже дружба была окрашена в тона учительства (<...> Петров давал Карамзину уроки литературного стиля и вкуса».<sup>23</sup>

Поразительно несовпадение жизненного облика Петрова с тем образом, который создается в его письмах. В жизни — «любезный нелюдим» («дик и чувствителен — при незнакомых молчалив и холоден; а с другом — сокровище»)<sup>24</sup> или «угрюм, молчалив и подчас насмешлив»;<sup>25</sup> в письмах 1785—1787-х гг. раскован, язвителен, педантичен. Однако этот образ объединяет лишь половину писем (четыре из девяти), т. е. первую и вторую «части» «романа». Между четвертым (Москва. 1787 году. Августа 1) и пятым письмами (из деревни Н\*\* (овикова). 30 июня 1788) перерыв почти в год. И именно в этот период осуществляется серьезный перелом. Судя по письму от 30 июня 1788 г., он происходит постепенно. Еще сохраняется ирония, но как она переменялась: «Начать ли мне жалостную песнь и наполнить ли письмо упреками? Истязать ли тебя о причине, для чего не сдержал ты своего слова? Твердое твое I will (Я хочу (англ.)) заставило было все мои сомнения спрятаться; я ожидал уже было приезда твоего так, как из близкой тучи после молнии ожидают грома» (С. 505). Любопытно замечание Карамзина-редактора к словам «истязать ли»: «[Не нужно указывать] Разумеется, что покойный П\*\*\* (<...> в письмах своих употреблял часто слова для шутки» (С. 505). К подобной шутивно-иронической манере Карамзин часто прибегал в письмах Дмитриеву конца 1780-х—начала 1790-х гг. Вместо привычного подтрунивания над литературными успехами Карамзина («по приезде твоем все московские авторы и переводчики будут ходить повеся головы, для того, что (<...> книг их не можно еще начать печатать; ибо

<sup>23</sup> Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина С 22

<sup>24</sup> Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву С 27, 26

<sup>25</sup> Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893 Т II С 26